

дополняет характеристику образных средств диалекта и отражает сферу чувственных реакций, эмоциональных оценок явлений образного мировосприятия селянами.

Жемчужину НРК являет собой третья, иллюстративная, зона, в которой образные единицы вплетены в естественную, неподготовленную речь.

По самым приблизительным подсчетам, в словарь вошло свыше девяти тысяч образных контекстов – богатейший фонд НРК, в большинстве своём отражающий народно-поэтический стиль диалекта, складывавшийся и совершенствовавшийся в течение столетий.

Образные тексты обнаруживают ряд особенностей. Например, явление концентрации образных единиц в рамках одного высказывания, которое иначе можно было бы назвать явлением аттракции, притяжения образных средств.

Текст *Подсолнух, он на солнце похож: золотой, цвета жёлтого, как солнце, – вот и зовут так* содержит три компонента НРК: метафору *золотой*, собственно образное слово *подсолнух* (растение, шляпка которого напоминает солнце), два сравнительных оборота с объектом сравнения *солнце*, посредством которых отражена ассоциативная связь земного растения и небесного светила, мира Земли и Космоса.

Итак, одно из достоинств лексикографического метода в том, что изучаемое с его помощью явление предстает в полном, систематизированном и укрупнённом виде, что позволяет выявить такие особенности явления, которые не видны «лексикографически» невооружённым глазом.

Исследование НРК сквозь призму лексикографического текста делает пока первые шаги и имеет серьёзные перспективы.

Литература

1. Блинова О.И. Областной словарь как источник изучения народной речевой культуры // Мат-лы и исследования по русской диалектологии. I (VII). М., 2002.
2. Блинова О.И. Аспекты изучения народной речевой культуры // Аванесовский сборник. К 100-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР Р.И. Аванесова / Отв. ред. Н.Н. Пшеничникова. М., 2002.
3. Толстой Н.И. Язык и культура. Некоторые проблемы славянской этнолингвистики // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Ч. 1. М., 1991.
4. Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б. Речевая культура // Русский язык: Энциклопедия / Главн. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997.
5. Блинова О.И. Русская мотивология. Томск, 2004.
6. Ростова А.Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири). Томск, 2000.
7. Блинова О.И. «Словарь антонимов сибирского говора» как источник мотивологии // Проблемы диалектной лексикологии и лексикографии. СПб., 2004.

А.Н. Ростова

ОБРАЗ ОГНЯ В ДИАЛЕКТНОЙ КАРТИНЕ МИРА

Кемеровский государственный университет

Современная антропоориентированная лингвистика исследует круг проблем, связанных с изучением отношений в триаде «язык – человек – действительный мир». В силу разноприродной сущности составляющих эту триаду феноменов очевидно, что отношения между ними не лежат в одной плоскости.

Поиск инструмента, обеспечивающего сферу сопряжения языка, человеческой личности и действительного мира, приводит к категории мышления и сознания, с одной стороны, и культуры – с другой. Проблема взаимоотношения языка и мышления, языка и культуры относится к «вечным» проблемам лингвофилософии. В современной парадигме эти проблемы получают новое осмысление в связи с

постановкой вопросов, составляющих область интересов когнитивистики и лингвокультурологии, – о способах категоризации действительного мира, о языковых механизмах переработки, хранения и передачи информации, о роли языка в созидании духовной культуры и об участии духовной культуры в формировании языка и восприятии действительного мира.

В исследовательском аппарате когнитивистики и лингвокультурологии, при всем их различии, выделяются общие понятия, ориентированные на выявление взаимосвязи языка и национального сознания народа, – *когнитивная картина мира* и *языковая картина мира*. Вопрос об их соотношении остается открытым, однако все большее признание

получает мысль об их диалектическом единстве, основанном на взаимообусловленности и относительной самостоятельности и допускающем общность и различия. Соотношение концептуальной и языковой картины мира может быть установлено с позиций теории единого ментально-лингвального комплекса, в рамках которого мышление рассматривается как «динамическая ипостась, сознание – накопительно-оценочная ипостась, язык – инструментальная и коммуникативная ипостась» [1, с. 664]. Концептуальная картина мира – это упорядоченная совокупность знаний о действительности, сформированная вектором «мышление ↔ язык» единого ментально-лингвального комплекса, языковая картина мира – вектором «сознание ↔ язык».

Зона общности концептуальной и языковой картины мира обуславливается свойством совместности природы языка с природой мыслительной деятельности. «Мышление является постоянно действующей информационной системой, которая сразу и всегда функционирует посредством языка и иначе функционировать не может... Язык – постоянно действующая артикуляционно ориентированная информативная система, которая сразу и всегда функционирует, используя содержание и энергию мышления» [1, с. 665].

Концептуальная картина мира задана мыслительной деятельностью человека, результатом которой является отражение действительного мира в рационально-логических формах: в понятиях, суждениях, умозаключениях, теориях, на уровне языка явленных в виде слов, словоизменительных и словообразовательных формативов, синтаксических конструкций, текстов [2, с. 6].

Зона различий концептуальной и языковой картины мира детерминирована областью сознания – постоянно действующей информационной системы «координационно-регулирующего типа, которая осуществляет запечатление, хранение, систематизацию и оценку результатов ментально-лингвальной деятельности человека» [1, с. 665]. Сознание предопределяет как логическую, так и сублогическую, как объективно-социальную, так и субъективно-психологическую природу человеческого миропонимания. В дифференцирующей части языковой картины мира располагаются напластования, отражающие аксиологическую и эстетическую значимость для человека, которые составляют ценностный и образный регистры языковой картины мира. Как пишет Н.Д. Арутюнова, «оценка создает совершенно особую, отличную от природной таксономию объектов и событий. Если, объединяя предметы в естественные рода, человек стремится проникнуть в их объективную сущность, то, создавая оценочные таксономии, он отражает в них свои интересы, вкусы, надежды, страхи и суеверия» [3, с. 6].

Образный строй языка отражает пласт народной духовной культуры, ориентированный на восприятие прекрасного/безобразного в окружающем мире. В образной картине мира отражается способ мышления, умственный настрой, духовность носителя языка. Образность понимается как «свойство слова (языковой единицы), характеризующегося семантической двуплановостью и метафорическим способом ее выражения» [4, с. 7]. Для образного слова характерна чувственно-предметная очевидность, основанная на ассоциативной связи, двуплановость восприятия, метафорический характер именования. Образность, основанная на тесной связи мыслительной и аксиологической деятельности человека, составляет эстетическую значимость и поэтический потенциал слова.

В статье рассматривается место и роль мифологемы «огонь» в образной картине мира традиционного сибирского говора. К исследованию привлекаются материалы «Словаря образных слов и выражений сибирского говора» [4].

Образы, отражающие мифологическое представление о мироздании (огонь, вода, небо, воздух, мировое дерево), занимают особое место в языковой картине мира, они являются знаками культуры.

М.М. Маковский [5, с. 240–243] выделяет следующие этимологические смыслы слов, обозначающих идею огня в индоевропейских языках: а) середина, центр; порядок, гармония; б) змея; в) язык, речь; род, семья; г) мир, вселенная; д) летать; е) резать, острый; ж) брать, взять; з) чистый, светлый, блестящий, очищающий; и) куча, гора; к) подыматься вверх, вздыматься; л) истинный, очищающий, настоящий, святой; м) имущество, богатство. Эти смыслы прослеживаются в мифологии многих народов, воплощаются в символических образах, связанных со стихией огня.

Многие исследователи отмечают двойственную природу огня. Ю.С. Степанов [6, с. 193] говорит о живом и мертвом огне. Живой огонь – это «огонь на пути с небес вниз, наделенный творческой силой». Ему приписывается очищающая, облагораживающая, добрая сила (ср. ритуальные костры на Ивана Купалу). Мертвый огонь – «уходящий из земного мира вон, уже не способный творить, но способный разрушать, вредить, и поэтому тоже активный».

С двойственным характером огня связывают его божественное и земное начало (огонь как идея бога и как идея человека). В языческих представлениях огонь наделялся магической силой, с которой связаны многие обряды и верования [7].

В диалекте бытуют слова, сохраняющие первичные этимологические смыслы понятия «огонь». Так, в сибирских говорах отмечены слова *жаровый*, *жаровник* – «высокий прямой лес», *огнёвка* – «змея красноватого цвета».

«Энергетические потенции слова» (М.М. Маковский) предопределяют механизмы его дальнейших семасиологических преобразований. Идея огня играет важную роль в процессах языкового моделирования мира.

Семантические зоны образности формируются на основе сопряженности исходных и результативных сфер (соотношение «объект метафорической номинации» – «ассоциатив») [8]. Отдельные классы слов могут выступать в качестве источника и исходной, и результативной зон образности. Например, представители животного мира выступают в качестве ассоциатива («эталона») для образного наименования человека (*петушиться, медведь*), в то же время сами характеризуются антропоморфными свойствами (*косач* – «тетерев-самец»). Стихия огня, не являясь объектом образной номинации, включает высокий ассоциативный потенциал для моделирования природного мира (мира животных и растений) и мира человека. Культурно значимые ассоциативно-образные стереотипы, связанные с идеей огня, в диалекте организуют базисные модели образности.

Огонь как **эталон цвета** воплощает перцептивный образ и выявляется при метафорическом моделировании природного мира: *жарки, огоньки* (купальница, бальзамин), *огнёвка* (змея), *огнянка* (лиса огненно-рыжей масти и змея красноватого цвета), *горицвет* (растение сем. гвоздичных).

Признак цвета положен в основу атрибутивной лексики (*жаркой, огневой, огоньковый, огоньный, огненный*), которая преимущественно используется для колористической характеристики реалий природного мира, реже – для включенных в мир повседневной жизнедеятельности артефактов: *Фигус – листья у него широкие, большие, в кадке стоит. Он цветет огненным таким цветом (Юдино). Их три сорта опять. Темно-желты, огоньков цвет на сосновых гнилых пнях (Вершинино). Огоньков свет кофты, юбки (Вершинино).*

Атрибутивный признак отражен во фразеологизме *как свеча горит*, относящемся к группе народно-поэтических средств диалекта и предназначенном для характеристики референтов, вызывающих эстетическое чувство говорящего: *Мурошка, хороша она, когда поспет, желта така, как свечи горят. Сперва она красна, а потом пожелтет (Волкова Заимка). Сидят [о мурошке], как свечи горят (Белый Яр).*

Эстетическая сфера крестьянского мироздания связана с метафорической семантикой глагола *гореть*. Горящий, а также сверкающий, переливающийся, как бы отражающий отблески пламени воспринимается как яркий, красивый. *Золотой сервиз красивый-красивый, из чистого золота, все прямо горит! (Вершинино). Калина, она же как ка-*

леная стоит, красная вся, раскалилась. Тоже красиво, осенью кода её посмотришь, она как горит, раскалённая как (Ягуново). На вечер щечечки намажешь – горят. Румяна! (Вершинино). Эстетика прекрасного отражается во фразеологии: *Стоит пашаница, как жар горит. Она же красива, кода поспет (Кожевниково), Кони разнаряжены – жар горит (Тискано).*

Огонь как **эталон силы, активности** организует зону номинации с ярко выраженным антропоцентрическим признаком, сопровождающимся разнополюсной (положительной и отрицательной) коннотацией: *огонь (об энергичном, деятельном человеке), горячий (вспыльчивый, легко возбуждающийся человек или животное), горячка (вспыльчивый человек), пламенный (разгоряченный, возбужденный человек). Вот огонь дак огонь! В передбанке все перемыли с Ритой (Вершинино). На всяко дело молодец. На всяко. И по грамоте, и работать – как огонь (Вершинино). Вот у меня отец был очень горячий, кипятковый, его все так и звали Виталий Горячий (Молчаново). Как пламенна приехала домой, ну и реву (Нарым).*

Устойчивые образные представления об огне как активной, деятельной силе воплощаются в глагольных наименованиях с семантикой интенсивного действия, совершаемого человеком или происходящего в природном мире. *А если девушка не хочет [идти замуж], то ее и ремнем ожгут (Зырянское). Пешком жарить, паря, беда (Томск). Морозы – на пятьдесят четыре градуса жарил! (Парабель).*

Признак интенсивности действия положен в основу названия и некоторых артефактов и натурфактов. *Крапива двух сортов: вот это жалюча крапива, вот эта – жгучка (Вершинино). Огнёвка – это пила, которая очень хорошо пилит (Подбельник).*

Высокий образный потенциал идеи огня как активной, деятельной силы воплощается в устойчивых сравнениях и фразеологизмах, характеризующих область человеческого существования. Чаще всего подобные устойчивые единицы используются для оценочного моделирования сферы интенсивной физической деятельности, реже – сферы ощущения или внутреннего эмоционального состояния. *Не пондравилось снохе здесь: то павут, то комар, мокрица будет мелка, как огнем жжёт (Подоба). Я боялась ее как огня [свекровь]. Могла я че сказать против? Нет (Вершинино). Сын помер год, другой. Три дочери. Крутись, как змея на огне. В колхозе-то нет выходных (Вершинино). Осподи, они как с огня на картошку торопились без ума (Вершинино). Они молодцы шибко работать, с огня рвут работать (Вершинино).* Представления об огне как активной стихии формируют в говоре образные лексические средства интенсификации. Семантика действия, сравнимая по силе воздейст-

вия с огнем, занимает на шкале интенсивности высшую точку и в этом смысле может служить мерой степени интенсивности-экстенсивности признака. Она тиха. И разговор тихой. Кака-то тиховата. Колька тоже шибко не разбежится. **Хоть гори!** (Вершинино).

Огонь, наделенный могуществом, выступает и как деструктивная сила, источник разрушения. Счас ишь какой жар! Все **горьмя горит** (Шумиха). Белогорячка больше от водки. Пил-пил да белогорячкой и заболел, так **горят же?**.. Да пошто он **горит?**.. Дураком делается, бредит (Вершинино).

Итак, образ огня в крестьянской культуре создает колористическую картину, несет идею красоты, прекрасного, выступает эталоном силы, жизненной активности, содержит энергию разрушения.

В образной картине мира идея огня моделирует сферу народной эстетики и сферу отклонения от ординарного уровня человеческого существования в сторону интенсивности. Образ огня как эталон прекрасного участвует в изображении окружающего, внешнего по отношению к человеку мира. Огонь как эталон силы и энергии используется преимущественно для характеристики биологических, психических и социальных проявлений человека.

Литература

1. Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд. М., 1998.
2. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Отв. ред. Б.А. Серебренников. М., 1988.
3. Арутюнова Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики. 1982. М., 1984.
4. Блинова О.И., Мартынова С.Э., Юрина Е.А. Словарь образных слов и выражений народного говора. Томск, 2001.
5. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. М., 1996.
6. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997.
7. Иванова А.А. Царь-огонь // Русская словесность, 1997. № 4.
8. Юрина Е.А. Образность как категория лексикологии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1994.

А.С. Савенко (Филатова)

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИОННО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА: МАТЕРИАЛ И МЕТОДИКА

Томский государственный педагогический университет

В качестве одного из основных в данной работе избран *сопоставительный метод*, который определяется в современном языкознании как «исследование и описание языка через его системное сравнение с другим языком с целью прояснения его специфичности» [1, с. 481]. Сопоставительный метод полностью соответствует аспекту данного исследования – мотивированности лексики конкретного языка – и его цели – определению общности и специфики явления мотивации слов в сопоставляемых языках. Однако вследствие того, что современная лингвистика, консолидирующая все парадигмы знания [2, с. 228], экстраполирует традиционные методы из классических сфер применения в новые предметные области, перенос *описательного метода* для сопоставления систем разных языков закономерен. По мнению Г. Хельбига, «первое условие для успешного сравнения языков – это отдельное описание каждого из сравниваемых языков» [3, с. 312].

Таким образом, одним из основных методов сопоставительной мотивологии, целью которой является определение универсальности и специфики конкретного языка в сопоставлении с другим языком, выбран сопоставительный метод, «экстраполированный в описательную лингвистику» [4, с. 57].

Мотивационно-сопоставительный анализ (МСА) рассматривается в работах И.Е. Козловой как «один из видов сопоставительно-типологических исследований» и характеризуется как «специальная, частная, характерологическая, качественно-количественная и структурно-функциональная типология особой мотивологической направленности» [4, с. 55].

Материалом для МСА послужили тематические группы наименований птиц и растений в русском и английском языках. Под тематической группой в настоящем исследовании понимается «ряд слов, объединенных общностью родового значения, то есть таких слов, которые обозначают разновиднос-